

Ильин Гелий Николаевич:

Первый день войны я помню хорошо. С утра (мне было 7 лет, а брату 3) я проснулся часов в 8, матери нет, она ушла в магазин – тогда можно было купить продукты только с утра, даже до войны с этим было не очень. Вдруг к нам вбегают соседка Нюра: «Геля, ты знаешь, война началась!» Было часов 10. Я подумал: «Ну война, так война». Я не понимал значения этого слова в полном смысле. Знал только, что это нехорошо. А мать только пришла с улицы, не слышала ещё ничего: «Да что ты! Пойду ещё что-нибудь куплю!» И убежала опять. Потом возвращается и говорит, что все магазины уже закрыты... Вот так началась война...

Всех заставили закрывать окна, чтобы свет не проникал наружу. Ходили проверяющие и смотрели с улицы вечером – у кого просвечивает, тех штрафовали. Заставили заклеить стекла крест-накрест тканью, чтобы в случае чего стекла не разлетались. Бомбоубежище организовали в кочегарке, там, где отопление. Отец тогда ещё не ушел в армию, сказал нам: «Не надо туда ходить, это только хуже, давайте ходить в парк». А у нас там Сад Меланжистов был, так называемый «Парк живых и мертвых». Ночью, когда объявляли воздушную тревогу, мы выходили туда. Радио работало постоянно, мы никогда не выключали его – ни ночью, ни днем. Я спал на диване, а надо мной висело радио и постоянно говорило. Голос Левитана до сих пор звучит у меня в голове. Мы слышали гул немецких самолетов, но немцы мало сбрасывали бомб на Иваново – немецкие самолёты летели до Горького, потому что там выпускали военную технику. По-моему, Ярославль тоже бомбили. А у нас «тряпичное» производство. Но ведь и без одежды не будешь воевать!

Отец пришел с войны на костылях примерно за полгода до Победы. Когда он увидел, что я плохо считаю и читаю, то занялся мной, а через год мы переехали в Палех. Там были совсем другие учителя и с 5 класса я начал учиться. Мне выделили стол и я стал нагонять упущенное, там и закончил 10 класс. Затем приехал в Иваново, поступил в институт и стал жить в общежитии.